

Немзер А. Вкус дела : [о книге И. Шайтанова «Дело вкуса»] / А. Немзер // Дневник читателя : русская литература в 2007 году / А. С. Немзер. – Москва, 2008. – С. 194-197.

Вкус дела

Игорь Шайтанов. Дело вкуса. М.: Время

Статьи, составившие увесистую книгу Игоря Шайтанова, писались на протяжении более чем четверти века. За эти годы смысловый объем понятия «современная поэзия» изменился весьма существенно. Появились новые яркие или, скажем аккуратнее, приметные имена. Перестроилась более-

менее (оговорки понятны) общепринятая иерархия ценностей. (Кто-то скажет: *исчезла*. Но, на мой взгляд, в подобных утверждениях почти всегда ощутимо игровое лукавство, тщетное стремление выдать желаемое за достигнутое, цель которого — на «опустелом» месте утвердить собственные приоритеты.) Наконец, что немаловажно, некоторые герои Шайтанова прочно вошли в историю русской поэзии.

Я имею в виду не только тех, кого уже нет с нами (хотя смерть, конечно, способствует канонизации, иногда — сиюминутной). Просто сегодня эмоционально (да и интеллектуально) напряженная дискуссия о поэтических системах и соответствующих им авторских мифах Андрея Вознесенского или Олега Чухонцева мне лично представляется абсурдом. Как и в случаях с ушедшими, будь то Иосиф Бродский или Николай Рубцов. Разумеется, пламенно агитировать «за» или «против» этих поэтов никому не заказано, но ведь совсем не трудно представить себе и «ниспровергающие» или «величальные» прочтения Батюшкова, Полонского или Гумилева. Мы можем сколько угодно записывать «классиков» в «современники», искренне восхищаться их предчувствиями и прорывами в будущее, кривить рот от их «недостаточности» и «ограниченности», представлять их «двойниками» (ложными) сегодняшних сочинителей, но... граница меж теми, кто вошел в историю, и теми, кто творит ее сейчас все-таки существует. Это безусловно осложняет жизнь крупных художников, уже произнесших *свое слово*, но, к счастью, далеко не все из них переходят — сознательно или бессознательно — к рантьерскому существованию. Опыт Чухонцева (рискну предположить, что это наиболее дорогой Шайтанову поэт-современник; недаром книгу завершают проникновенная статья о нем и насыщенный мыслью диалог филолога с поэтом) — блестящее тому подтверждение.

Читая книгу Шайтанова, мы постоянно видим, как современность становится историей. Признаюсь, мне трудно вписать в сегодняшний контекст Николая Асеева или Леонида Мартынова, которым посвящены давние (не потерявшие остроты и обаяния) работы Шайтанова. Впрочем, здесь дело, наверно, не только в беге времени. Признавая

историческую значимость поэта, вовсе не обязательно видеть в нем насущно необходимого тебе собеседника. Асеева и Мартынова я и двадцать пять лет назад уважал вчуже. Как, скажем, и Арсения Тарковского, о котором примерно в той же тональности пишет Шайтанов.

Это одно из немногих точных совпадений наших вкусов. (Другое — любовь к Чухонцеву.) В основном же пристрастия расходятся. Например, в недавней рецензии на «Стихотворения» Давида Самойлова («Новая библиотека поэта») Шайтанов дает понять, что Александр Межиров и Борис Слуцкий ему сейчас ближе и интереснее, чем Самойлов, которого я считаю самым (это не оговорка и не полемическое преувеличение) большим русским поэтом второй половины XX века. На фоне этой рецензии замечаешь некоторую прохладу в давней — изящной и выверенной — статье Шайтанова, что легла в основу предисловия к итоговому самойловскому двухтомнику. Несомненно с согласия поэта, заинтересованно и профессионально следившего за критическими откликами и считавшего (поручкой тому дневник Самойлова) Шайтанова лучшим из своих интерпретаторов.

Другой пример — отношение к сегодняшним поэтам «среднего» поколения. О Вере Павловой Шайтанов пишет кисло-сладко (на мой взгляд, уделяя излишнее внимание «проекту» в ущерб стихам), о Тимуре Кибирове — пренебрежительно (снисходительно и поверхностно — о раннем, со зримой неприязнью — об авторе «Интимной лирики», на которой поэт для критика, видимо, кончился), о Владимире Салимоне — просто ничего не говорит. Умолчание, разумеется, нельзя ставить в строку — все мы порой не успеваем высказаться о том, что полагаем существенным (Шайтанов сам на это обстоятельство сетует), но почему-то кажется, что здесь иной случай. Меж тем мне в сегодняшней поэзии особенно дороги Павлова, Кибиров и Салимон.

Пример третий — общего плана. Шайтанов полагает, что поэтические «изборники» должны быть компактными, составленными из лучших вещей. Мне же кажется, что для понимания поэта необходимо как можно более полное знакомство с его стиховым корпусом, что только так, видя во-

очию «ошибки» и «заблуждения», мы можем приблизиться к неповторимой творческой индивидуальности.

Список расхождений далеко не исчерпан. Но расхождение расхождению рознь. Иные только радуют — и вовсе не из отвлеченной тяги к «плюрализму», которой я начисто лишен. Шайтанов далеко не всегда убеждал меня в необходимости нечто перечитать или переосмыслить (некоторые его симпатии раздражают — и сильно), но ведь и один раз напомнить о необходимости сменить оптику — это очень много! А книга не раз сигнализировала мне о моей зашоренности: ни Алексея Прасолова, ни Николая Рубцова, ни Геннадия Русакова, ни Евгения Рейна с таким — необходимым — тщанием я не читал. А значит, и думал о них «приблизительно» (если это вообще можно назвать думаньем).

Название книги Шайтанова дразнит. Можно проинтонировать его иронически, примерно так: чтение и обсуждение стихов — дело вкуса, тут каждый волен нести свою ахинею. А можно и иначе: чтение и обсуждение стихов — дело истинного вкуса, без которого лучше к поэзии не со-ваться. Мне ближе вторая версия. Кажется, Шайтанову тоже. Не правда, что о вкусах не спорят. Спорят, и еще как! Но споры эти имеют смысл лишь в том случае, когда собеседникам ведом «вкус дела». Тот вкус, который ощущаешь читая книгу Игоря Шайтанова.

14 сентября